

© 2003 г.

Н. Я. Мерперт

ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ

24 мая 2002 г. состоялось второе заседание Научного совета по египтологии при историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Заседание было посвящено первой (и единственной) археологической экспедиции АН СССР в Египет, состоявшейся в 1961–1963 гг. За два полевых сезона продолжительностью четыре и пять месяцев – с декабря 1961 по апрель 1963 г., наши ученые, приняв участие в беспрецедентной международной кампании по спасению памятников Египта и Нубии, успешно выполнили стоявшие перед ними задачи. Отечественная наука обогатилась публикациями результатов¹, а коллекции государственного Эрмитажа – несколькими сотнями памятников с четко зафиксированным в инвентарных каталогах местом происхождения. С рассказом об этой уникальной экспедиции выступил ее участник, известный археолог Николай Яковлевич Мерперт.

Прежде всего Николай Яковлевич подчеркнул, что это именно рассказ, а не доклад, так как все, что можно докладывать, опубликовано. В состоявшейся накануне в Институте археологии РАН личной беседе с участниками другой египетской экспедиции, О.В. Томашевич и М.А. Чегодаевым, он заметил: «Я не люблю ни фотографироваться, ни записываться, но здесь не я говорю, здесь восстанавливается память, а я верю, что память – это и есть бессмертие». Так полагали и древние египтяне. Поэтому исключительно важным представляется не только блестящее выступление Н.Я. Мерперта в университете, собравшее преподавателей, сотрудников и множество студентов, но и публикация его воспоминаний.

Слово – Николаю Яковлевичу.

* * *

Эпиграфом моего выступления могут быть слова одного из величайших наших соотечественников: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Наши работы проходили ровно 40 лет назад, а изменений за эти годы XX в. – да и он уже прошел – неизмеримо больше, чем в другие столетия.

Начну с того, что в конце 1950-х годов было принято решение о строительстве высотной Асуанской плотины. Не надо думать, что из великой любви к нам госпо-

¹ Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / Под общ. ред. Б.Б. Пиотровского. М.–Л., 1964; Мерперт Н.Я. Могильник Наг Мабрук в Северной Нубии // Археология Старого и Нового света. М., 1966; Пиотровский Б.Б. Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983. К сожалению, эта работа не учтена в справочной статье Р. Гундлаха (Wadi Allaqi // LÄ. VI. S. 1095–1096). См. также небольшую, но важную статью, в которой рассказано о предыстории экспедиции и четко суммированы ее результаты: Большаков А.О. Нубийская экспедиция АН СССР // ВДИ. 1992. № 1. С. 150–153. – О.Т.

дин Насер принял наш проект, просто все остальные ему отказали, в том числе и потому, что строительство плотины и, как следствие, затопление огромной части территории должно было превратить и превратило великую африканскую реку в систему бассейнов, так же как и мы в результате таких же «мудрых» предприятий потеряли Волгу, которая тоже превратилась в систему технических бассейнов. Но поскольку все-таки проект был принят и строительство началось, ЮНЕСКО провела кампанию по спасению того, что можно было спасти. Я никогда не ставил перед собой задачу установить процент того, что можно было спасти, но одно могу сказать – он очень невелик. Территория затопления начиналась в Асуане и доходила до суданской границы. На ней располагались памятники самых различных эпох – от раннего палеолита (а что такое ранний палеолит Африки для истории человечества, мы сейчас хорошо знаем) до никому неизвестных ранее христианских монастырей с великолепными росписями. Угроза нависла над Абу-Симбелом, может быть, одним из непризнанных чудес света, но вполне заслуживающим этого титула, над колоссальным числом древнеегипетских памятников в наименее исследованной части Египта, прилегающей с севера к Асуану, а затем уходящей уже в Нубию, при огромном разнообразии памятников культур степных и пустынных скотоводов, которым никто не придавал должного значения. То же касается и классических египетских памятников (один из них – скальный храм в Герф-Хусейне – находился на территории наших работ, но не был ими охвачен), древнегреческих и византийских памятников. Только тем, кто не был в этой суровой, но крайне многообразной и интересной области, могут представляться исторически второстепенными византийские крепости и наблюдательные пункты на Ниле (я тщетно пытался найти хоть где-то в, казалось бы, достаточно полных эпиграфических коллекциях позднеримского и византийского времени те надписи, которые великолепно сохранились и которые мы видели и копировали во время наших работ. Может быть, единственное, что как-то оправдывает отсутствие внимания к ним, – это то, что они нецензурны).

Кроме того, еще одно обстоятельство. Вспомните сейчас любую фотографию великих пирамид Гизы. Вы помните, что только одна из них, пирамида Хефрена, сохранила остатки каменной облицовки в верхней части. С остальных эта облицовка была давно содрана. У меня нет данных по этому поводу, но подозреваю, что теми же самыми фараонами, которые строили следующую пирамиду, – гораздо дешевле обокрасть предшественника, чем везти откуда-то камень². У подножия пирамид лежат гранитные плиты. Каждое месторождение гранита имеет свою химическую формулу, и она никогда не может повториться в двух местах. Внутренние помещения пирамид и частично их грани облицованы нубийским гранитом. Таким образом, для середины III тыс. до н.э. была закономерной связь по Нилу на 1.5 тысячи км, и транспортировка гигантских гранитных плит шла – сейчас мы можем точно сказать – из района Вади Аллаки (вади – сухое русло сезонной реки), который оказался в значительной мере на территории нашей концессии.

Напомню, что на рубеже 1950–1960-х годов само слово «концессия» означало нечто глубоко буржуазное; когда мы говорили, что работаем на территории нашей концессии, к нам относились подозрительно. Что это еще за буржуазные агенты, которые работают «на концессии»? Но это был официальный термин.

Страны ЮНЕСКО (не помню, сколько их было, кажется более 20), выразившие согласие спасти памятники Египта и Нубии, получали концессии – обычно 15 км по одну сторону Нила и несколько километров (кстати, сыгравших большую роль для нас) по другую. Распределение шло «сугубо научным» методом (напомню, события происходили в докомпьютерную эру, и не то что компьютер, ксерокс тогда показался бы изобретением марсиан): на заседании Генерального комитета по спасению нубийских памятников брали шапку, в нее клали записки с номерами и представители

² Считается, что облицовка гизехских пирамид была снята арабами в средние века – из этого превосходного турецкого известняка построены знаменитые каирские мечети. – О.Т.

всех стран тянули жребий. Таким образом, было принято решение наших властей о создании египетской экспедиции. Им невдомек было, что после блестящих работ нашего замечательного соотечественника В.С. Голенищева никто из отечественных специалистов археологией в Египте не занимался, да и сам Голенищев занимался прежде всего коллекционированием памятников. Раскопки не были его главной задачей, он копал только там, где это было вызвано необходимостью исследования того или иного уже известного памятника. Невдомек чиновникам было и то, что у нас имелись великолепные египтологи, но археологов-египтологов не было. С чем это сравнить? Можно быть великолепным физиологом, но физиолог вряд ли возьмется делать операцию.

Такова была обстановка, поэтому совершенно закономерно и правильно приняли решение поставить во главе экспедиции академика Бориса Борисовича Пиотровского, ныне уже покойного, который хотя и был урартологом (а если занимался широкими проблемами ближневосточной археологии за пределами Урарту, то Месопотамией), египтологию знал профессионально как в археологическом, так и в языковом аспектах – он был учеником Василия Васильевича Струве, а Струве же был учеником бога египтологии Курта Зете. Борис Борисович отличался поразительной пунктуальностью. У него сохранились записи лекций Струве, конспекты работ Зете, и они очень пригодились нам.

В качестве его заместителя был определен ваш покорный слуга, который не был египтологом, но занимался широко бронзовым веком, в том числе бронзовым веком Ближнего Востока, многие годы читал соответствующие курсы на кафедре археологии истфака МГУ, вел раскопки в Средней Азии. Спасибо, Б.Б. Пиотровский предупредил меня об этом назначении за год. Весь год я со всей доступной мне скоростью читал египтологическую литературу, готовясь к исследованию памятников. И все же чувствовал я себя не очень уверенно. Поэтому было приготовлено множество громадных фотографий со всех книг, содержащих систематизацию египетских материалов, например, с работ Питри, Райснера, Фирса, Потье, Массулара, Баумгартель и других.

Для начала 60-х годов первая после 1917 г. отечественная археологическая экспедиция в Египет рассматривалась как событие экстраординарное. Решение о ней было согласовано с Советом министров СССР. Для нее были выделены специальные средства, и финансовых проблем у нас не было. Оборудованием снабдили щедро. Поскольку работы планировались в зоне затопления, заказали для экспедиции быстроходный катер. С ним связан комичный случай. Завод-изготовитель никогда для Нила плавательных средств не строил и усомнился в пригодности катера в условиях «нильского водного режима», о чем и счел необходимым нас предупредить. Помимо глиссерного катера получили мы шлюпку с мотором «Москва». Мотор был очень хорош для утренних упражнений: мы с моим спутником и другом Олегом Георгиевичем Большаковым дергали шнур по 200 раз, после чего садились за весла.

Несколько слов о составе экспедиции. Всего нас было восемь человек, а профессиональных археологов – четверо. Академика Б.Б. Пиотровского представлять не надо, его имя и труды хорошо известны. Я был его помощником по научной части. Третьим участником был Олег Георгиевич Большаков – ныне крупнейший арабист, более 15 лет ведший раскопки Пенджикента и имевший огромный опыт исследования сырьевой архитектуры (а это особое искусство!). Четвертый археолог – Александр Владимирович Виноградов – опытный специалист по неолиту Средней Азии, десятки лет проработавший в Хорезмской экспедиции.

Заместителем Б.Б. Пиотровского по административной части был Петр Дмитриевич Даровских, полковник в отставке, великолепный человек, взявший на себя груз всех хозяйственных, финансовых, дипломатических и административных дел. Фотографом экспедиции был Лев Николаевич Петров, превосходный мастер своего дела и столь же опытный краснодеревщик, обустроивший нашу походную лабораторию. В состав экспедиции входил художник Пименов (не известный живописец Ю.И. Пи-

менов, а «марочник», впрочем, тоже очень неплохой художник). Дальше следовал еще один Лев Петров, правда не Николаевич, а Аркадьевич (полагаю, во всей Нубии было тогда два Льва – и оба в нашей экспедиции). Он был главным архитектором Кремля по охране памятников. Дело в том, что поначалу ЮНЕСКО решила не только заниматься раскопками памятников, но и переносить из зоны затопления те памятники, которые сохранились. На территории нашей концессии у деревни Дакка был храм римского времени. Для организации его спасения и был приглашен Л.А. Петров. Но проявить себя ему не удалось – от этой части работ, как от чрезмерно дорогостоящих, Советский Союз в последний момент отказался. Таким образом, Л.А. Петров поехал без ангажемента, попутешествовал по Египту, полюбовался нильскими закатами и через месяц с небольшим отбыл. Наконец, механик Муса Умарович Юнисов, многолетний сотрудник Хорезмской экспедиции, подлинный мастер на все руки, державший в идеальном порядке всю нашу технику. И прекрасный член коллектива.

В Египет экспедиция отправлялась тремя партиями: выпустить всех одновременно почему-то не сочли возможным. В первую партию были включены Пиотровский, Даровских и я (причем первоначально Борису Борисовичу по каким-то причинам паспорт в срок не выдали, хотя он – глава экспедиции, у него вся документация, все связи, наконец, все финансы; пришлось предпринять специальный демарш). Первая партия из трех человек вылетела в Каир в первых числах декабря 1961 г. Оборудование, невероятно громоздкое (например, дали нам два самых больших, какие тогда существовали, холодильники, зная при этом, что электростанции нам не дают³), отправлено было пароходом в Александрию в ноябре. Вторая партия – О.Г. Большаков и Л.А. Петров – прибыла через недели полторы, а третья – через полтора месяца, хотя они нам по горло были нужны с самого начала.

Теперь Каир. Не знаю, с чего начать. Каир бесконечно разнообразен, это город контрастов, таких контрастов нет ни в Багдаде, ни в Дамаске, с которыми мне по 15 раз приходилось встречаться последние 30 лет. Город в целом очень интересный, но невероятно контрастный. С одной стороны, варварская роскошь, которой нигде не увидишь (например, великолепный мраморный особняк, который взгромодили на крыше многоэтажного дома в Замалеке, и хозяин особняка провел себе специальный лифт), с другой – окраинные районы, где люди жили в ямах, перекрытых листовым железом, и где во время сильного ливня в 1962 г. погибли дети – их залило водой.

Пиотровский поручил мне скопировать карты той концессии, номер которой он вытянул года за два до этого. Карты были сосредоточены в так называемом Центре документации ЮНЕСКО. Работал там один милый француз с ромен-ролановским именем Жан Кристоф, страшно шумный и темпераментный. Он был знаком с Пиотровским, который пятый раз был в Египте. Для меня это было большим счастьем, потому что в то время я говорил довольно слабо по-английски и довольно хорошо по-французски. То, что сейчас можно было сделать за несколько часов работы с ксероксом, мне надо было копировать на кальку много дней. Карты были очень тщательно составлены в 1910 г. американским египтологом Фирсом с огромным знанием дела, но с одним «но», которого мы не знали. Жан Кристоф забыл сказать главное. Наша Асуанская плотина была не первой – первая была построена еще в конце XIX в., потом ее неоднократно надстраивали, нильская вода поднималась все выше и выше. Те плотины были шлюзовыми, а не дамбовыми, как новая; они не остановили Нил – в определенное время открывали шлюзы и пускали воду. Этого мы не знали. Каждое утро я приходил, Жан Кристоф начинал вынимать карты из длинных ящиков, мы использовали все пресс-папье и тяжести, что там были, чтобы закрепить карты на полу. На картах, которые я копировал (каждая размером три на

³ То же самое было у чешских археологов: М. Вернер рассказывал, что в распоряжении их экспедиции имелся огромный холодильник, подключить который было не к чему. – О.Т.

три метра, и я просто ползал по ним на коленях, больше ведь никуда не положишь. были указаны все памятники.

По этим картам наша концессия выглядела поразительно богатой: там были отмечены могильники Старого, Среднего и Нового царства, памятники XXV династии – черных фараонов, византийские памятники. Мы с Пиотровским даже серьезно поссорились, так как все хотели копать древний Египет. Он мне говорил: «Ты кандидатская диссертация по медиевистике защищал, вот и копей Византию». Я, конечно, всячески отбрыкивался от этого и отвечал: «Помилуйте, первая ваша работа – палеолитическая...».

Как мы летели в Асуан, пропускаю; потом, после очень напряженных переговоров с египетскими властями, которые никак не хотели пропускать нас дальше по Нилу, но в конце концов дали самоходную баржу, погрузили наши холодильники, катер, шлюпку, всех нас и отправили. И вот дальше тяжелейший момент настал для меня, потому что именно я копировал карты. На другой день мы, проплыв 120 км по Нилу, прибыли к месту нашей концессии. Так как я копировал карту именно этого участка, то, естественно, все запоминал. И вижу – мавзолей мусульманского святого, который я отметил в 50 м от берега, стоит где-то посреди Нила. Храм, о котором шла речь и который решили не переносить, на карте был указан на суше, а здесь он – в воде и видна только верхняя часть его пилонов. И тут я вспомнил, что читал в той же документации, но не обратил на это внимания, что плотина надстраивалась и что вода Нила в конце концов поднялась до отметки «40», и богатые памятники всех эпох, из-за которых мы ссорились, давно находятся под водой.

С этого «открытия» и начались работы примерно 12 декабря, и кошмар этот продолжался более двух недель. Мы с Б.Б. Пиотровским разделились, проводя разведки по береговой полосе: день он шел по западной, я – по восточной, день – он по восточной, я – по западной. Успех был везде одинаков: черный острый песчаник, любой обуви хватало на неделю. Дикая жара – в декабре. Возвращались предельно раздраженными и уже по-настоящему обвиняли друг друга. Он мне говорил: «Я думал, ты опытный археолог, а ты найти ничего не можешь». Я отвечал: «Вы же более опытный, научите!». Кто мог жить на этом черном песчанике? Что могло здесь находиться? Ни-че-го.

К северу от нас был резкий поворот Нила, и на самом повороте, на восточном берегу стояла большая византийская крепость, а напротив нее – наблюдательный пункт, византийский же, с которого прекрасный был обзор к югу и северу – Нил на большом протяжении. Вот там нашли мы византийские надписи и какие-то игральные доски, напоминающие наши шахматные, только изображенные на камне. Уже обрадовались – хоть что-то, простите за откровенность. Такова была судьба не только нашей, но и большинства экспедиций на территории Нубии. Но только им можно было возвращаться с пустыми руками, а нам по тогдашним нравам...

К каждой экспедиции приставлялся египетский инспектор от Службы древностей, археолог, иногда плохой, иногда хороший. У нас в первый год был великолепный инспектор, очаровательный копт Фуад Якуб. Его очень легко описать. Представьте себе сильно постаревшего, облысевшего и почему-то страшно печального Буратино, который садился на раскладушку (мы спали рядом в палатке), складывал руки и почти дотягивался носом до пола. Он был очень добрый и милый человек и утешал нас: «Почему вы так нервничаете? Возьмите испанскую экспедицию. Археологи с мировыми именами, работающие от зари до зари третий год, и хоть бы что-нибудь! Ни одного черепка». Мы же не могли ему сказать, что испанцам это дозволено, а советскому человеку – нет.

Настроение у всех было крайне унылое, и Пиотровский говорил: «Я вот поеду в Каир, потребую другую концессию, а куда девать все барахло, которое мы привезли сюда?».

Все-таки чудеса в мире бывают, и Бог к рабам своим бывает милостив. Дальнейшее можете принять за охотничий рассказ. Наступило 31 декабря 1961 г. К тому

Рис. 1. Египет, март 1962 г. Лагерь экспедиции на западном берегу Нила

Рис. 2. Керамика из раскопок экспедиции

Рис. 3. Египет, 1962 г. Раскопки у с. Наг-Набрук

Рис. 4. Египет, 1962 г. Устье Вади Аллаки

Рис. 5. Нубия, март 1962 г. Слева направо: М.У. Юнисов, художник В. Пименов, Фуад Якуб, принцесса Агахан, А.В. Виноградов, О.Г. Большаков, Н.Я. Мерперт, П.Д. Даровских

времени мы с Пиотровским и Большаковым совершили – без выходных дней – должное количество рейдов и по правому, и по левому берегу. Моя очередь была ехать на восточный берег.

Должен заметить, что рабочих мы привезли из района Луксора, где одно село – Кыфт – поставляло большинству экспедиций землекопов, называвших себя раскопщиками-профессионалами. Мы их привезли и даже платили им зарплату. А они пели мусульманские гимны, иногда водили хореводы или сидели в палатке – делать-то им было нечего. Тут терпение у нас иссякло, мы на катере двумя рейсами переправили их на восточный берег. К этому времени не нашли мы еще ничего, но начали различать изменения в цвете и характере поверхности: на одном участке цвет песка отличался. И здесь же был найден фрагмент большого горшка, который показался мне подозрительным. Не стану преувеличивать свою интуицию – какой это горшок: III тыс. до н.э. или выброшенный только что из соседней деревни, я ответить не мог (кстати, деревня носила название «Кубань», почти Кубань). Но место находки меня озадачило – там песок был явно другого цвета. Я разбил обычные пятиметровые квадраты и поставил рабочих вскрывать их. Первые часы ничего в этих квадратах не было, часа через три на катере прибыл Пиотровский, обгоревший, с вафельным полотенцем на голове в виде чалмы, страшно унылый. «Ну что ты делаешь? – спросил он. – Хочешь дотянуть квадраты до эфиопской границы? Ничего там нет. Ладно, я забираю половину рабочих, переправляю их на тот берег, затем пришлю катер за тобой и оставшимися. Так и быть, будем встречать куда как нерадостный Новый год. Потом решим, что делать дальше... Концессию надо менять». Забрал рабочих и ушел на катере. Мне от души было его жаль.

Но меня продолжала озадачивать пусть на первый взгляд незначительная необычность участка, его как бы специально выровненная поверхность и отличный от окружающей пустыни более темный цвет. Поэтому я продолжил работу. Помню, несколько отошел, чтобы по нивелиру взять очередные уровни углов квадратов. И вдруг услышал вопль, самый подлинный вопль, перешедший в общий ликующий крик рабочих, моментально образовавших круг и начавших кружиться с мусульманскими песнопениями. Я бросился туда и увидел, что танцуют они вокруг большой

круглой ямы диаметром заметно больше 1 м с устьем поразительно правильной формы. На незначительной глубине яма была заложена тремя сигарообразными круглодонными сосудами, положенными плашмя и составлявшими правильный треугольник. Форма их была классической для предложенной в свое время Дж. Райснером «группы А» – наиболее архаичной для массовой керамики Верхнего Египта и особенно южнонубийского региона и отнесенной им к рубежу IV и III тыс. до н.э. Мало того, все они были заткнуты значительно меньшими, но тоже вытянутыми плоскодонными сосудиками с четко выраженным горлом и налепными волнистыми ручками. Эта характерная форма хорошо известна и является четким индикатором того же периода. И все сосуды идеальной сохранности, время не оставило на них никакого следа...

Я не верил своим глазам и готов был пуститься в пляс вместе с рабочими. Рубеж IV и III тысячелетий! Принципиально важный период перехода от додинастического периода к первым, недавно еще считавшимися легендарными, династиям фараонов. Об этом можно было только мечтать!

И в этот момент П.Д. Даровских приводит катер, дабы эвакуировать меня с оставшимися рабочими на западный берег. Впрочем, объяснять что-либо этому умному и проникательному человеку не пришлось: он сразу же увидел и оценил происшедшее. Я попросил его лишь передать Борису Борисовичу, что настроение мое резко улучшилось.

Минут через сорок катер вернулся вновь, и все – Борис Борисович, Олег Большаков, Петр Дмитриевич и даже Лев Аркадьевич бегом, подобно участникам кросса, преодолели расстояние от берега (небольшой естественной бухты) до раскопа (как-никак метров 200). А к этому времени были расчищены еще две ямы подобные первой. И обе с сосудами.

Тут уж настроение изменилось у всех. Новый (1962-й) год не казался больше не радостным, более того, наступление его было по распоряжению Пиотровского заметно ускорено: праздновать начали незамедлительно (было около четырех часов дня) и допраздновали до местной полуночи, а далее и до московского Нового года (разница во времени здесь три часа). Утром стали расспрашивать местное население относительно названия места, на котором начались исследования. Оказалось, название есть у упомянутой естественной бухты: Хор-Дауд – залив Давида. С этим именем оказались связаны и предновогодний подарок судьбы, и напряженная и увлекательная работа первых четырех месяцев 1962 г.

Итак, о Хор-Дауде. Невысокое плато с плоской поверхностью, рассеченное проходящей в долготном направлении впадиной и обрамленное обычными песчаными всхолмлениями, начиналось в нескольких десятках метров от залива и, немного повышаясь, уходило к востоку. Площадь его составляла несколько сотен квадратных метров. От смежных участков его отличала как бы намеренно выровненная и более темная поверхность. Сравнительно небольшой слой рыхлого песка перекрывал плотный песчаниковый массив, в котором были выкопаны ямы. Каждый день число их возрастало, открывались все новые и новые их скопления. К апрелю число их достигло нескольких сотен. Ямы разновеликие, большей частью правильной грушевидной или полуконической формы с тщательно выровненными и обмазанными глиной стенками. Значительная их часть была пустой, но многие содержали находки, прежде всего крупные сосуды, лежавшие плашмя, как в описанной уже первой яме, или стоящие горлом вверх, а часто и вниз. Формы их разные: от упомянутых сигарообразных до широкогорлых конических плоскодонных горшков чуть ли не метрового диаметра. Все они были тарными. Часть предназначалась для хранения зерна (судя по его остаткам), другие, вероятно, для воды, в прочих же были найдены самые разные предметы: малые сосуды (один из них с превосходной спиральной росписью), каменные орудия, в том числе обработанная замечательной «чешуйчатой ретушью» кремневая пила для камня, скорлупа страусовых яиц с гравировкой, всевозможные украшения и глиняные хозяйственные изделия. Некий мастер по произ-

водству глиняных бус спрятал в большом горшке все свои сокровища: заготовки – глиняные комочки, «полуфабрикаты» – необработанные изделия, наконец, тысячи шаровидных и веретенообразных бус. Все находки не перечислить!

Были и ямы, лишенные находок и вместе с тем информативные, более того, если возможно такое сочетание, – «эмоционально информативные». Так, одна небольшая яма не была завершена. Лишь часть ее стенок была обмазана, комья глины для продолжения работы были сброшены на дно. Их размешивал правой ножкой ребенок лет 10–12, стоявший, очевидно, на одном – левом – колене на краю ямы. Следы ножки четко сохранились, с них удалось снять эстампаж, переданный потом в Государственный Эрмитаж.

Спешное и беспорядочное заполнение ям явилось результатом угрозы нападения на древнеегипетский поселок, располагавшийся, скорее всего, в прибрежной зоне и ныне полностью покрытый водами Нила. Компактная система самих ям на приподнятом и более безопасном при разливах плато являлась обширным общественным складом-хранилищем, созданным жителями поселка на случай как природных, так и человеческих катаклизмов, приведших, как свидетельствуют данные раскопок, к гибели и поселка, и склада.

Памятник такого рода встречен в Египте впервые. Ни произведений искусства, ни изделий из драгоценных металлов в нем нет. Но для изучения повседневной жизни рядовых поселков столь раннего периода материалы его достаточно информативны.

Не связанный с археологией забавный момент. В те времена была холодная война, но когда археологи в поле, то есть только одна нация – археологическая и война не имеет значения. Так как наша концессия была самой северной, никто не проплыл мимо нас, не остановившись. Это бывало по пятницам, потому что в четверг вечером развозили шлюзы. Все экспедиции приезжали к нам, не давая нам выпастись в единственный свободный день... Однажды произошел такой случай. Руководитель швейцарской экспедиции, человек очень пожилой, к нам сначала отнесся крайне сурово, потому что увидел людей в костюмах цвета «хаки» (говорят, костюмы предназначались для Бутырок, но там отказались от них и тогда их дали нам); ну и однополая экспедиция – подозрительно. Пиотровский уехал в Каир, поэтому принимал я. Швейцарец был суров. Мы не стали ему противоречить, я повел его в палатку-лабораторию, показал документацию, после чего он очень сильно подобрел.

Одновременно с раскопками Хор-Дауда продолжались и активные разведки. Экспедиция все более вживалась в специфику окружающей местности. Были открыты ряд новых объектов, в том числе раннепалеолитические орудия, отдельные погребения Древнего царства и очень большой нубийский могильник начала II тыс. до н.э. на западном берегу Нила у поселения Наг-Набрук. Очень коротко остановлюсь лишь на последнем, поскольку его материалы имеют отношение к проблеме формирования населения Северной Нубии в указанный период.

Могильник этот занимает около полугектара и насчитывает сотни погребений, отмеченных оригинальными надмогильными сооружениями: довольно глубокие погребальные ямы окружались каменными кольцами, на которые накладывались следующие, вплоть до образования каменной башенки высотой в среднем до 1 м. Костяки или их остатки были найдены во всех ямах обычно с довольно богатым инвентарем, но большинство погребений были ограблены в древности. В десятке оказавшихся неограбленными могил найдены прежде всего большие ожерелья. Иногда количество составляющих их каменных, костяных и раковинных бус превышает тысячу.

Но этим находки не исчерпываются. Подавляющее их большинство связано с обычаем беспрецедентным и встречающимся как в неограбленных, так и во всех ограбленных могилах. Сопровождавшие покойника сосуды ставились не в яму, а с внешней стороны башенок, у их подножья, и засыпались песком. Грабители их не находили или не брали. Поэтому нами была собрана коллекция из сотен многообразных морфологически, блестяще орнаментированных сосудов группы «С» (по Дж. Райснеру); научная значимость этого собрания представляется безусловной.

Но помимо раскопок перед экспедицией стояла вторая задача: определение путей к разработкам гранита и золотым рудникам Южной Нубии. Где они могли находиться? Решение подсказывала общая топография региона. К востоку от нас в сторону границы Эфиопии шло сухое русло некогда большой реки, в очень отдаленные времена – многие сотни тысяч лет назад – впадавшей в Нил. Оно именуется Вади Аллаки (идущее к Эфиопии ответвление имеет свое название: Вади Габгаба). В столь же глубокой древности река превратилась в вади: Б.Б. Пиотровский на дне его обнаружил непереотложенные остатки очень ранней палеолитической стоянки (ашельской). Обрамляющие Вади Аллаки скалы сохранили многочисленные надписи, безусловно свидетельствующие о том, что именно по этому пути проходили древнеегипетские караваны вглубь Нубии. Не подумайте о верблюде, верблюд был одомашнен значительно позже. Караваны были пешие и шли в сопровождении самого древнего и верного транспортного животного в истории человечества – осла. Шли ночами, днем искали прибежища у отвесных отбрасывающих тень скал. На этих скалах и концентрируются надписи. Ко времени наших работ английские экспедиции обследовали лишь ближайшие к Нилу 40 км Вади Аллаки и зафиксировали 30 надписей. Б.Б. Пиотровский запланировал углубленное обследование вади с фиксацией всех эпиграфических памятников на значительном его участке, что и выполнялось в первом и особенно во втором сезоне наших исследований. Ряд последовательных пеших маршрутов позволил охватить участок вади длиной до 90 км. Проведены они были О.Г. Большаковым и мной. Выходили мы на рассвете, чтобы хоть какую-то часть пути пройти до жары, шли зигзагом, пересекая вади от скалы к скале, особо выискивая скалы, отбрасывающие тень. И многие из них оправдывали наши ожидания: их покрывали надписи и изображения – в большинстве своем древнеегипетские, хотя попадались и более поздние, вплоть до современных. Впервые был составлен топографический план вади (соответствующие инструменты мы тащили с собой). Воды брали минимум (по одной фляжке). Оружия у нас не было никакого, кроме альпенштоков, да и надобности в нем не было: за все время нашли мы лишь останки маленького пустынного волка, ссохшегося, совершенно плоского, естественным образом мумифицировавшегося. Воду пили лишь по завершении очередного маршрута, но тогда уже фантастически много.

В результате этих работ число надписей, обнаруженных в Вади Аллаки, возросло более чем в 4 раза. После фиксации все местонахождения их были обследованы Борисом Борисовичем, сделавшим необходимые прорисовки и эстампажи, позволившие ему впоследствии посвятить этим замечательным эпиграфическим памятникам специальную монографию⁴.

Большинство надписей принадлежали XIX династии. Несколько десятков их были обнаружены на высокой скале, острую вершину которой украшали изображения бога Хора в обеих его ипостасях – сокола и человека. Фигуры высотой около метра были выгравированы на камне. Ниже плоскость скалы сплошь покрывали надписи, оказавшиеся достаточно информативными. Чтение и интерпретация их Б.Б. Пиотровским были сделаны позже, уже в Каире и подтверждены крупнейшим специалистом по египетской эпиграфике, заведующим кафедрой египтологии Оксфордского университета чехом Ярославом Черны⁵.

⁴ *Пиотровский Б.Б.* Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983.

⁵ Я. Черны (1898-1970) учился в пражском Карловом университете у Фр. Лексы и Б. Грозного, стажировался у А. Эрмана в Берлине. В 1929–1946 гг. читал курс египтологии в Праге, в 1943 г. переехал в Англию и благодаря рекомендации А. Гардинера преподавал в Университетском колледже в Лондоне (1946-1951 гг.), потом стал профессором в Оксфорде. В Египте Я. Черны много работал с текстами на папирусах и остраконах и, в частности, опубликовал первую статью о надписях в Вади Аллаки (*Cerny J. Graffiti at the Wadi el-Allaqi // JEA. 1947. 33. P. 52–57*). См. *Dawson W.R., Uphill E.P., Bierbrier M.L. Who was Who in Egyptology. L., 1995. P. 89. – О.Т.*

Человек он был очень обаятельный и профессионал высочайшего класса. Тут я на секунду отвлекусь. Черны проверял все переводы Пиотровского, причем выглядело это очень забавно. Однажды он пришел с женой, очень милой пожилой дамой, которая спросила: «На каком языке мы будем говорить?». «Sprechen Sie Deutsch?», – спросил Пиотровский, при этом у профессора сделалось каменное лицо и дальнейший разговор шел таким образом: Борис Борисович говорил мне по-русски, я переводил г-же Черны на французский, она говорила мужу по-чешски, он отвечал, и все возвращалось в обратном порядке. Часа четыре. После этого они пошли смотреть справочники. Г-жа Черны печально обратилась ко мне: «Муж знает немецкий не хуже чешского, но с момента оккупации он дал зарок никогда не писать и не говорить на этом языке».

В последние недели экспедиции Б.Б. Пиотровский в нашем сопровождении вновь посетил место скопления надписей на увенчанной изображениями Хора скале в Вади Аллаки. Нам стало известно, что нубийцы именуют это место «Воинским колодцем». Удалось выяснить, что во время знаменитого восстания Махди в Судане в последней четверти XIX в. англичане пытались обойти восставших с фланга, но остановились из-за полного отсутствия воды. Они попытались выкопать колодец, но воды не достигли. Действительно, у «скалы Хора» сохранились следы большого котлована. Такова история «Воинского колодца». Но оказалось, что началась она задолго до англичан...

При осмотре котлована наш механик М.У. Юнисов нашел обломок камня с плохо сохранившимися иероглифами. Все бросились к углублению, около которого обнаружили еще несколько подобных камней, оказавшихся обломками крупной стелы. Это было весной 1963 г. А за 120 лет до этого, в 1843 г. французы нашли в этом же районе стелу с сохранившейся надписью. Она повествовала о строительстве по приказу Рамсеса II большого колодца на путях к золотым рудникам Нубии. Колодец даже получил торжественное имя, которое, однако, не сохранилось: один угол стелы был отколот.

От стелы, найденной нами у «Воинского колодца», сохранились лишь отдельные почти нечитаемые фрагменты. Но есть основания полагать, что она была двойником обнаруженной французами стелы. И как раз название колодца, утраченное на той стеле, сохранилось на наших фрагментах – «Сила Рамсеса, возлюбленного Амоном, владыкой жизни».

Достигли мы и самих золотых рудников: они располагались в пустыне на расстоянии около 100 км от Нила. Разработки велись там до недавнего времени и отмечены полузасыпанными котлованами и несколькими одинокими крестами на могилах работавших на приисках и скончавшихся там христиан. Немая бескрайняя пустыня подчеркивала отстраненность этих крестов от всего живого. Я помолился за тех, кто лежит под ними, и в несколько подавленном состоянии мы отправились назад. Впрочем, чтобы несколько смягчить траурную тему, отмечу, что вблизи рудников были обнаружены еще две надписи (одна с титулом «херихеб»), которые Б.Б. Пиотровский считал самыми ранними из всех, найденных нами в Вади Аллаки.

По окончании работ 1963 г. в Южной Нубии Б.Б. Пиотровский, О.Г. Большаков, П.Д. Даровских и я совершили рекогносцировку по территории Северного Судана. Вначале прошли на пароходе от Асуана до Абу-Симбела, который имели счастье почти сутки рассматривать на его подлинном, прежнем месте, потом продолжили путь до первого суданского порта Вади Халфа у края большой нильской излучины. Последнюю пересекли в поезде и добрались до Хартума, где увидели, наконец, настоящую Африку, настоящую саванну. Из Хартума поехали на северо-запад страны, в Мероэ, где обследовали три большие группы пирамид XXV династии и Джебель Баркал, скальный храм Амона – «владыки ветров», и ряд прочих памятников. Очень тщательно и при разном освещении осматривали скалу Джебель Баркал, на которой английский археолог Э. Оркелл – один из создателей суданской археологии – увидел гигантские (до 40 м) горельефы с изображениями человеческих фигур, что вызвало

много споров. Мы, увы, пришли к заключению, что это причудливая игра природы. Но впечатление скала производит поразительное. В целом Судан показался нам непочатым краем археологических возможностей, начиная с «хартумского неолита» – вполне возможного центра африканского очага производящей экономики и керамического производства.

К глубокому сожалению, возможности эти реализованы не были. Третий египетский сезон не состоялся, а через шесть лет начались широкие и, в отличие от египетских, весьма долговременные исследования российских археологов во втором, не менее значимом, центре сложения древнейшей цивилизации человечества – Месопотамии.

В заключение несколько слов о египетских встречах. Их было много. Тогда в Египте еще жили русские эмигранты «первой волны». В Каире они приходили к нам просто повидаться, иногда за помощью, чаще за сочувствием. В те времена встречи с ними, мягко говоря, не поощрялись. Но Пиотровский вел себя предельно благородно. Он принимал всех, многих старался утешить и ободрить, а в ряде случаев оказывал им и реальную помощь, активно поддерживая в советском консульстве их ходатайства о возвращении подданства, что обеспечивало этим пострадавшим людям пенсию и юридическую защиту.

Особо мне запомнились встречи с выдающимся египтологом, нашим соотечественником и эмигрантом поневоле Александром Николаевичем Пьянковым⁶. Я много слышал о нем от Бориса Борисовича, который отзывался о нем как о превосходном эпиграфисте, исследовавшем, в частности, памятники из гробницы Тутанхамона, а также как об авторе ряда интереснейших работ по египетской религии, что интересовало меня более всего.

И вот в самом начале второго сезона в наш каирский номер стремительно вошел очень темпераментный человек небольшого роста, представился мне и Большакову, обнял Бориса Борисовича как старого приятеля и тотчас заговорил о несчастьях египтологии, измелывании тематики и кадров, отсутствии проблемных разработок и т.п. Очень высоко отзывался лишь о Ю.Я. Перепелкине. С интересом познакомился с итогами первого сезона работ нашей экспедиции, заинтересовали его прежде всего первые эпиграфические памятники из Вади Аллаки, но посмотрел он и материалы Хор-Дауда, оценив интерпретацию памятника как «заслуживающую внимания». С искренней горечью говорил об уходящих под воду древностях, более всего тревожился об Абу-Симбеле, который находился тогда в полном смысле слова в подвешенном состоянии: целый ряд комитетов («почетный комитет», «комитет проектов», «комитет действия» – добавить бы «без»! – и серия прочих) без конца обсуждал его судьбу, собирались в Каире на весьма дорогостоящие сборища, деньги таяли, для осуществления наиболее рациональных проектов их попросту уже не было, а г-н Насер вообще долго отказывался участвовать в финансировании спасения этой жемчужины древнеегипетского искусства⁷.

О собственной доле Пьянков лишь упоминал вскользь, впрочем, не скрывая горечи. Он окончил университет вместе с В.И. Авдиевым, слушал лекции великого нашего ученого академика Б.А. Тураева. Должен был остаться в университете «для подготовки к профессорскому званию», но был мобилизован и отправлен с экспеди-

⁶ А.Н. Пьянков (1891–1966) с детства заинтересовался древним Египтом, увидев коллекцию Эрмитажа; изучал античность, но первая мировая война помешала завершить обучение. Пьянков служил во французских войсках в 1917 г. в Салониках, затем продолжил учебу в 1920 г. в Берлине (у А. Эрмана и К. Зете) и в Париже, где в 1930 г. получил докторскую степень за диссертацию «Сердце в древнеегипетских текстах»; специализировался в области филологии и религии; жил в основном в Каире, где работал для Французского института восточной археологии, американского фонда Боллингена и Национального центра научной документации; опубликовал большое количество статей и книг о египетской религии. См. *Dawson, Uphill, Bierbrier*. Op. cit. P. 333. – *О.Т.*

⁷ Со слов А.Н. Пьянкова – *Н.М.* Примерно так же обстояло дело со строительством Нубийского музея в Асуане. – *О.Т.*

ционным корпусом во Францию (тут я не полностью ручаюсь за свою память). Г-н Авдиев этого сумел избежать, Пьянков же был в «колоссальном» офицерском чине подпрапорщика. Когда произошла революция, русские подали прошения о возвращении на родину. Солдатам разрешили, а офицерам – нет. Вот тебе и эмиграция. По-моему, даже французского подданства Пьянков получить не сумел, имел лишь временные документы. Во всяком случае четко помню его слова: «Вы не очень-то демонстрируйте симпатии ко мне. А то вы на родину уедете, а меня ваш друг Насер в 24 часа отправит на все четыре стороны...»

В 1962 г. В.И. Авдиев находился в длительной командировке в Каире. Естественно, Пьянков захотел встретиться со своим соучеником и коллегой. Авдиев же всячески избегал встречи, боялся ее. В конце концов Пьянков попросил организовать такую встречу Бориса Борисовича, который и пригласил обоих (причем Пьянкова с женой – русской, родившейся в Италии и почти не знавшей родного языка) в один из наиболее престижных ресторанов Каира – «Гроппи». Ситуация оказалась непростой. Пьянков обращался к Авдиеву на «ты». Авдиев же ничего умнее не придумал, как отвечать ему по-французски через его жену и в третьем лице («Этот господин меня спрашивает...»). Думаю, что комментарий здесь не требуется.

В 1966 г. Александр Николаевич Пьянков скончался в Брюсселе. Его заслуги перед египтологией безусловны, а имя его должно быть возвращено России, русской науке, должно занять свое законное место среди славной плеяды отечественных исследователей Египта и Древнего Востока в целом.

* * *

В марте 2000 г. к очередному Международному конгрессу египтологов в Каире была приурочена выставка в Египетском музее, демонстрирующая наиболее значительные археологические находки в долине Нила за последние десятилетия. В одной из витрин обращала на себя внимание керамика с орнаментом. Соответствующие этикетки гласили: «Хор-Дауд. Раскопки Советской археологической экспедиции»*.

THE FIRST RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION TO EGYPT

N.Ya. Merpert

This report was delivered by a well-known Russian archaeologist N.Ya. Merpert to students and professors of Moscow State University in May 2002. The core of the report consists of his recollections on the Soviet archaeological expedition in Egypt and Nubia in 1961–1963. This expedition, in which N.Ya. Merpert took part, was organized within the framework of the UNESCO campaign for preserving the historical and archaeological monuments which were to be submerged as a result of the construction of the Assuan Dam. The author gives a vivid and absorbing account of how the expedition was organized, who its participants were, what problems and difficulties they were to face during the first month of their work, as well as of the interesting discoveries in the course of the expedition (Hor Daud, Wadi Allaqi), of the outstanding Egyptologists the author met there and of other subjects.

* Публикация подготовлена к печати О.В. Томашевич.